

Интерес современных историков и филологов к судьбе Хронографов, которые в конце XVIII в. хранились в Ростовском архиерейском доме и Спасо-Ярославском монастыре, был связан с поисками следов рукописи со «Словом о полку Игореве». Литература, посвященная разбору обстоятельств приобретения А.И. Мусиным-Пушкиным сборника со «Словом», насчитывает в настоящее время сотни названий, где различным образом трактуется история поступления древнерусской поэмы в коллекцию графа¹. Напомним, что еще при жизни Мусина-Пушкина в научных кругах возникла мысль о необходимости изучения вопроса о происхождении погибшей рукописи. К.Ф. Калайдович, который в 1813 г. обратился к графу с просьбой о разъяснении обстоятельств открытия «Слова», получил следующий ответ: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, из коих под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено «Слово о полку Игореве»². В настоящее время все точки зрения на это показание А.И. Мусина-Пушкина можно свести к двум. По одной версии, назовем ее «ростовской», признается возможным наличие сборника со «Словом» в одном из Хронографов упраздненного Ростовского архиерейского дома (далее – РАД). Другая версия, «ярославская», связывает открытие «Слова» с библиотекой бывшего Спасского монастыря или его последнего настоятеля Иоиля Быковского.

В настоящем разделе работы рассмотрена аргументация сторонников «ростовской» и «ярославской» гипотезы в свете вновь открытых архивных документов, данных описей РАД, Спасского монастыря и Ярославского архиерейского дома (далее – ЯАД), а также истории конкретных сохранившихся до наших дней рукописей из Спасского книгохранилища и ростовской владычной библиотеки.

Обратимся вначале к анализу известий о судьбе ростовских Хронографов.

Впервые Хронографы упоминаются в Переписной книге РАД 1691 г.³ Они были названы среди книг, хранившихся в верхней кладовой палате «в бол(ь)шой коробье», и записаны вместе с еще двумя рукописями исторического содержания в 2о. Так, в описи 1691 г. значится: «Книги же в десть пис(ь)менные: летописец Московского государства, книга Степенная российских государей, три книги гранографа в десть». В следующих по времени описях РАД – 1743, 1765 и 1790 гг. – «гранографами» названы все пять рукописей, проходивших в описи 1691 г. под разными названиями⁴, и добавлена еще одна рукопись – Хронограф, который поступил в библиотеку между 1691-1743 гг. Таким образом, в XVIII в. в РАД среди «книг письменных в десть» хранилось «гранографов шесть»⁵. Последний документ, в котором фигурирует то же количество «гранографов» – опись имущества РАД, которое в январе 1790 г. было перевезено в Ярославль⁶. На полях этой описи имеются ревизионные приписки, датируемые временем перемещения ростовской владычной библиотеки в ЯАД и 1807 г. В этом отношении особый интерес представляет запись, сделанная напротив «гранографов шесть», она гласит: «1800 годе одного не явилось, на лицо – два», – и далее по подчищенному: «три отданы по приказанию покойного преосвященного синодальному обер-прокурору, его превосходительству Мусину-Пушкину, а одного не явилось»⁷. Таким образом, в составе бывшей ростовской библиотеки после 1800 г. оставался только один «гранограф»: Степенная книга и три Хронографа были «препровождены А.И. Мусину-Пушкину, а шестая рукопись из этой подборки бесследно исчезла. Итог «пропажам» был подведен в описи имущества ЯАД 1811 г. В ней, в разделе «Книги письменные в десть, значившиеся по бывшей ростовской описи», под номером 1162-м было записано: «гранографов один»⁸.

Какая же из обозначенных в документах РАД шести рукописей исторического содержания продолжала храниться в ЯАД?

В 1962 г. Л.А. Дмитриев разыскал в архиве ГАЯО и опубликовал дело о высылке А.И. Мусину-Пушкину четырех рукописей из бывшего книгохранилища РАД⁹. О.В. Творогов на основании «Реестра», приложенного к делу¹⁰, установил, что из Ростова в ЯАД были привезены: Степенная книга, два Хронографа Дорофея Монеувасийского, Хронограф редакции 1512 г., выборка из Хронографа и Хронограф редакции 1617 г.¹¹ Из них три Хронографа и Степенная книга были отправлены в 1792 г. Мусину-Пушкину для представления «к личному

рассмотрению его превосходительства». В ЯАД, таким образом, должны были оставаться два ростовских Хронографа: скорописный Дорофея Монеувасийского, согласно «Реестру», на 749 листах, и выборка из Хронографа на 432 листах. Как уже отмечалось, одна из этих рукописей «не явилась» после 1800 г., вторая же сохранилась до настоящего времени – это Хронограф Дорофея Монеувасийского, ЯГИАХМЗ–14930, написанный скорописью двух почерков, на 738 листах¹². По своим кодикологическим данным рукопись ЯГИАХМЗ–14930 может быть отнесена к продукции ростовского митрополичьего скриптория начала XVIII в.¹³ Очевидно, она представляет собой список с такого же Хронографа из собрания РАД, отправленного в 1792 г. А.И. Мусину-Пушкину. Можно также предположить, что ЯГИАХМЗ–14930 и есть тот шестой «гранограф», который появился в описях РАД между 1691 и 1743 гг.

«Ростовская» версия происхождения «Слова о полку Игореве» основана на том факте, что одна из переданных А.И. Мусину-Пушкину рукописей РАД представляла собой Хронограф редакции 1617 г. Напомним, что сборник со «Словом» открывался именно этим произведением. Однако вряд ли стоит связывать находку древнерусской поэмы XII в. с хранилищем РАД. Дело в том, что ростовские исторические рукописи неоднократно были предметом самого «наипрележнейшего рассмотрения со стороны духовных людей», однако «Слово о полку Игореве» обнаружено в них не было.

Так, еще до А.И. Мусина-Пушкина, «гранографами» РАД интересовался архиепископом Афанасий Вольховский¹⁴. В 1766 г. по его приказанию «февраля 3-его числа ... (было – Е.С.) внесено в кельи его преосвященства российских гранографов пис(ь)менных шесть»¹⁵. Об этом факте говорит специальный «Экстракт о росходе», составленный в 1766 г. в связи со сменой экономов, и запись в описи РАД 1765 г., на полях которой напротив «гранографов шесть» значится: «Оные взяты вверх в бытность прежняго эконома»¹⁶. Позднее, в 1772 г., Афанасий Вольховский еще раз обратился к изучению этих рукописей в связи с запросом, присланным ему из Вольного российского собрания при Московском университете. Архиепископу предлагалось «сыскать и доставить» в общество «принадлежащие до российской истории рукописные летописи и другие записки»¹⁷. Отсылая в Москву Степенную книгу¹⁸, Афанасий извещал правление Вольного собрания, что «ничего примечания достойного» в других книгах, «имеющихся в моем доме... не нашел»¹⁹.

Следующий по времени просмотр «гранографов» состоялся в 1778 г. под наблюдением архиепископа Самуила Миславского. Он был произведен по требованию св. Синода; занимающегося подбором исторических сочинений для издания русских летописей, задуманного митрополитом Платоном²⁰. Позднее, в 1791 г., те же рукописи были вторично рассмотрены по распоряжению архиепископа Арсения Верещагина в связи с известным указом Екатерины II и св. Синода с разысканием древних «летописцев, повестей, или подобных тому, относящихся до российской истории сочинений»²¹. В результате названных «наипрележнейших» просмотров пяти Хронографов и Степенной книги РАД «духовные ученые люди пришли к заключению, что во оных ничего относящегося к российской истории, что бы не было напечатано и вновь из них к изданию подходило, не найдено», о чем и было объявлено в Синод специальными «Репортами» 1779 и 1791 гг.²² К последнему моменту был приложен «Реестр» исторических рукописей РАД. Из этой подробной описи явствовало, что ни один из пяти Хронографов не содержал ни «Слова о полку Игоревом», ни другие, входившие в состав мусин-пушкинского сборника, произведения²³. Более того, с части Хронографа редакции 1617 г., «ростовским надписанного», из собрания А.И. Мусина-Пушкина, о котором О.В. Творогов осторожно высказался, что это мог быть «искомый... сборник со «Словом о полку Игореве»²⁴, в 1811 г. по распоряжению ярославского архиепископа Антония Знаменского было сделано четыре копии²⁵. Каждую такую копию Антоний, как истинный библиофил, сопроводил собственноручной записью о содержании оригинала. Приведем ее полностью: «Его есть список с той части Летописца (имеющагося у графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, на корню переплета, как видно, новаго кожаного, ростовским надписанного, который писан старинным нехорошим и, как кажется, не очень давно почерком, начат Шестодневом библейским, продолжался по 4-м монархиям, где в греческой истории сказано и о переменах султанов турецких), в которой началось повествование о России. Подобный сему список сделан и для ярославской семинарской библиотеки. Марта 8 дня 1811 года. Антоний архиепископ Ярославский и Ростовский». Позднее была сделана еще одна приписка: «Подлинник у графа с прочию библиотекаю погиб в сентябре 1812 во время нашествия

неприятелей, как он мне сказывал»²⁶. И так, ни в «Реестре» 1791 г., ни в заметках Антония Знаменского указаний на то, что Хронограф редакции 1617 г. из библиотеки РАД содержит помимо своего основного текста еще какие-либо литературные произведения, нет. Добавим, что, если сопоставить время поступления поэмы к А.И. Мусину-Пушкину, а это событие произошло, по мнению В.А. Кучкина, после лета 1789 до июля 1791 г.²⁷, а по наблюдениям В.П. Козлова в 1788-1790 гг.²⁸, с датой отправки ростовских рукописей – не ранее декабря 1792 г.²⁹, – то станет очевидной несостоятельность так называемой «ростовской» версии происхождения «Слова о полку Игореве».

Обратимся теперь к разбору второй гипотезы, «ярославской», которая связывает открытие поэмы с библиотекой Спасского монастыря. Эта версия первоначально была высказана в статьях Е.М. Караваевой³⁰ и А.В. Соловьева³¹, а наиболее развернутое ее обоснование содержится в монографии Г.Н. Моисеевой³². Рассмотрим аргументы этих исследователей и прокомментируем их, опираясь на вновь открытые архивные и рукописные материалы.

«Ярославская» гипотеза основана, главным образом, на интерпретации приписок в описях Спасского монастыря 1787 и 1788 гг., которые касаются исключения из монастырской книгохранильницы четырех рукописных книг, а среди них – «Хронографа в дествь». Впервые эти сведения были введены в научный оборот Е.М. Караваевой, изучавшей документы Спасской обители для проведения реставрационных работ. В 1960 г. она опубликовала статью «Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г.», где сообщила свои наблюдения по поводу уничтожения «за ветхостью и согнтием» ряда рукописей. Е.М. Караваева отметила и карандашную приписку «Иподиакон Соколов» с четырьмя вопросительными знаками и «NB» рядом с известием об уничтожении Хронографа. Она высказала предположение, что Соколов интересовался именно Хронографом, зная, что «Слово о полку Игореве» входило в его состав. Г.Н. Моисеева связывает лицо, оставившее приписки на полях описи 1788 г., с секретарем ЯАД, иподиаконом Спасо-Преображенского собора Яковом Соколовым, который упоминается в документах конца XVIII в.³³ Однако наблюдения над описями ЯАД не подтверждают этого вывода Г.Н. Моисеевой. То обстоятельство, что Соколов оставил на документе только свою подпись, безусловно, затруднило отнесение по палеографическим признакам столь краткой записи к XVIII в. или следующим XIX и XX столетиям. Однако, загадочный иподиакон Соколов оставил еще одну приписку, касающуюся одной из рукописей архиерейского собрания: она сделана на полях библиотечной описи 1819 г. напротив № 740 и сообщает следующее: «№ 166. Ипод. Соколов»³⁴. Эта книга, Патерик азбучный и скитский XVIII в., указанная под № 740 в описи 1819 г., сохранилась³⁵ и в описи книгохранильницы ЯАД, составленной в 1912 г., значится под № 166³⁶. Следовательно, Соколов был знаком с этой описью начала XX в. Более того, подпись иподиакона Соколова, оставленная им в описи 1788 г., идентична подписи иподьякона ярославского кафедрального собора Василия Соколова, который в 1912 г. являлся членом комиссии, подготовившей «Главную церковную и ризничную опись ЯАД»³⁷. Вполне объяснимы и заметки, сделанные этим человеком в описи 1788 г., поскольку именно Соколов, как архиерейский ризничий, должен был по указу Синода за № 1578 в ноябре 1903 г. отправить этот документ в Московскую Патриаршую библиотеку³⁸. Таким образом, документальные свидетельства из архива ЯАД противоречат положению, выдвинутому Г.Н. Моисеевой.

Вернемся к анализу наблюдений Е.М. Караваевой над описью 1788 г. Она установила, что после 1788 г. из монастырской библиотеки были изъяты и уничтожены «за ветхостью и согнтием» четыре рукописи: «249. Часослов на баргамине» (в 2о), «274. Псалтырь на баргамине» (в 4о), и «286. Хронограф в дествь». Благодаря разысканиям Г.Н. Моисеевой стало известно, что в предыдущей описи 1787 г. напротив тех же книг было проставлено, а затем выскоблено слово «отдан»³⁹. Таким образом, Е.М. Караваева, а вслед за ней и Г.Н. Моисеева, высказали гипотезу о том, что уничтожение названных рукописей было фиктивным. Как считают Г.Н. Моисеева⁴⁰ и В.П. Козлов⁴¹, эти книги с санкции архиепископа Арсения Верещагина поступили в собрание А.И. Мусина-Пушкина. Однако «уничтоженные» или «отданные» рукописи со временем вновь оказались в Ярославле.

Так, в описи имущества ЯАД 1811 г. под номером 1229 был вновь обозначен «Часослов, писан на паргамене» (в 2о)⁴². Эта рукопись сохранилась⁴³ и имеет на полях первого листа

номера, соответствующие тем, под которыми она значилась в описях 1787 и 1788 гг.⁴⁴ «Объявилась» и «Псалтырь на паргамене» (в 4о), в описи 1811 г. она не записана, но в следующем библиотечном каталоге ЯАД 1819 г. она появилась⁴⁵. На начальных листах этого кодекса имеется традиционная запись рубежа XVII-XVIII в. о принадлежности ее Спасо-Ярославскому монастырю и инвентарные номера, под которыми «Псалтырь на баргамене» фигурировала в описях 1787 и 1788 гг.⁴⁶ Что касается третьей рукописи, Поучений аввы Дорофея, то она так и не появилась в архиерейской библиотеке.

Последняя рукопись из числа «уничтоженных», – знаменитый «Хронограф в десть», – также был возвращен в книгохранительницу ЯАД. Он был вписан между номерами 1214 и 1215 в опись архиерейского имущества 1811 г.⁴⁷ Эта рукопись счастливо сохранилась до настоящих дней в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника⁴⁸ и на л. 1 имеет номера, которые совпадают с теми, под которыми проходил в описях 1787 и 1788 гг. Спасо-Ярославский Хронограф⁴⁹. По своему содержанию эта рукопись, ЯГИАХМЗ–15443, представляет собой сборник, в котором, с начала до л. 119 об., помещен фрагмент Патриаршего летописного свода 70-х гг. XVII в., доведенный до 119 г., затем, с л. 120 до конца, идут выписки из Степенной книги. Очевидно, рукопись была записана в описях как «Хронограф» ошибочно, поскольку такое название значилось на ее корешке. По наблюдениям Б.М. Клосса, данный кодекс был составлен во второй половине 70-х гг. XVII в. в патриаршем скриптории⁵⁰.

Итак, три рукописи бывшего Спасского монастыря, помеченные в описи 1787 г. как «отданные», а в описи 1788 г. как «уничтоженные», к началу XIX в. возвратились в библиотеку ЯАД в том виде, в каком они были оттуда изъяты. Вопрос о том – кому, когда и на каких условиях эти книги передавались, – остается открытым, ибо пока не отыскано прямых свидетельств, которые называли бы конкретных лиц, причастных к миграции рукописей ЯАД в конце XVIII в. С определенной долей уверенности можно утверждать лишь то, что последний настоятель Спасской обители, Иоиль Быковский, не был причастен к исчезновению казенного «Хронографа в десть». Это вытекает из того факта, что в 1791 г., когда были подписаны документы о совместном хранении имущества, упраздненного пять лет назад РАД и Спасского монастыря⁵¹, Иоиль Быковский получил официальное «Свидетельство... в том, что находившийся в его ведении Спасо-Ярославский монастырь со всем движимом имением и зданием онаго, также ризница и прочее все, значущея по описям, от него... приняты... и начету никакого на нем, архимандрите, а равно и ко взысканию с него ничего не открылось»⁵². Позднее, в 1796 г., еще при жизни Иоиля, было произведено освидетельствование имущества ЯАД. В «Репорте», представленном затем архиепископу Арсению Верещагину, эконом и казначей объявили, что «все хранится по описям в целости... и никакого казенным вещам, также церковной утвари и ризничным вещам же утраты и хищения не было»⁵³. Зато после смерти в 1799 г. самого архиепископа Арсения, известного своей расточительностью за счет архиерейской казны, его имущество было опечатано, а новый архиепископ ярославский Павел предписал «до учинения расчета ничего... наследникам (Арсения Верещагина – Е.С.) не выдавать»⁵⁴. Только в 1805 г. в духовной консистории были закончены подсчеты растрат, произведенных Арсением. Как оказалось, этот преосвященный, помимо прочего имущества и денежных сумм, присвоил 76 печатных книг и одну рукопись из архиерейской книжницы и семинарской библиотеки (общей стоимостью 80 руб.45 коп.). Справка, которая предваряла Роспись утраченных Арсением книг, сообщала, что «те книги оным преосвященным в разные времена подарены с надписанием от имени своего разным людям, как то имянинникам и прочим знакомым»⁵⁵. В названной Росписи особый интерес представляет запись, из которой следует, что книгохранители ЯАД отнесли исчезновение из «письменных книг в десть одного Хранографа» на счет архиепископа Арсения и оценили эту «пропажу» примерно (в) 2 руб. – коп»⁵⁶. Вопрос о том, для каких целей употребил Верещагин казенный Хронограф и каким образом данная рукопись вновь оказалась в ЯАД к 1811 г., остается открытым. Тем не менее, можно предположить, что означенный Хронограф, как и ряд других архиерейских рукописей, был передан во временное пользование А.И. Мусину-Пушкину, единственному в окружении ярославского архиепископа знатоку и коллекционеру древнерусской письменности. Напомним, что из книжницы ЯАД Мусину-Пушкину в 1792 г. были официально отданы четыре исторических рукописи. Ранее, в 1790 г., Арсений Верещагин пересылал ему же из книгохранительницы упраздненного Спасского монастыря «письменную в десть старинную книгу Правил Никиейских»⁵⁷. А в 1797 г. глава Ярославской епархии «благословил» графа «старинным Евангелием в десть»⁵⁸.

Заканчивая разбор «ярославской» версии происхождения «Слова о полку Игореве», остановимся на рассмотрении еще одного вопроса, нуждающегося в разъяснении. Это вопрос о том, сколько Хронографов и каких было в разное время в Спасской обители.

В переписной монастырской книге 1701 г. значатся две рукописи светского содержания: «Хронограф писмаяная в десть»⁵⁹ и «Книга Летописец писмаяной руской, переплетен с печатным киевским в одну книгу в полдесть внов(ь)»⁶⁰.

Последний конволют в следующей описи 1709 г. не значится. Возможно, «Летописец руской», упомянутый в описи 1701 г., впоследствии был приобретен В.Н. Татищевым «у носясчаго на плосчади» и использован им при написании своей «Истории Российской». Эта была летопись (Татищев назвал ее «Ростовской») «в полдесть», писана «сначала юсами», «подписана рукою Ярославского монастыря архимандрита Иосифа (1693-1700 гг. – Е.С.)». Судьба настоящей рукописи сложилась печально. Она была подарена историком Английскому королевскому обществу, а ее точная копия послана в российскую Академию наук. До настоящего времени ни оригинал, ни копия не разысканы. Исходя из описания так называемого ярославского списка, данного самим Татищевым, Б.М. Клосс и В.И. Корецкий определили его как летопись, сходную в какой-то части, до 1389 г., с Новгородской I летописью младшего извода⁶¹.

Как установил В.В. Калугин, рассмотрев выписки из «Хронографа Спасского Ярославского», сделанные в начале XVIII в. митрополитом Димитрием Ростовским, эта рукопись представляла собой Летописец Еллинский и Римский⁶². Кроме этого памятника в монастырской книгохранильнице с 1696 по 1700 гг. имелся Хронограф редакции 1617 г. Данная рукопись была куплена в 1695 г. архимандритом спасским Иосифом⁶³ у ярославца, посадского человека, Васьки Перфильева сына Ереминых⁶⁴, и передана им в казенную библиотеку с записью о том, что «бысть сей книге вечно в монастыре»⁶⁵. Однако, когда Иосиф был переведен в 1700 г. в Краснослободский Пензенский монастырь, он увез с собой и Хронограф⁶⁶. Упоминание еще об одном «Хронографе письменном», который был отослан из Спасской обители митрополиту Арсению Мацеевичу в 1762 г., сохранилось в документах Ростовской духовной консистории⁶⁷. Таким образом, кроме летописных памятников⁶⁸, в Спасском монастыре в разное время должны были храниться по крайней мере три хронографические рукописи: Летописец Еллинский и Римский, Хронограф редакции 1617 г. и Хронограф, переданный в 1762 г. Арсению Мацеевичу.

Итак, если учесть судьбу исторических рукописей из РАД, а также принять во внимание, что в «Спасо-Ярославском Хронографе», ЯГИАХМЗ-15443, «Слово о полку Игореве» не обнаружено, то можно утверждать, что ни одна из версий о поступлении поэмы к А.И. Мусину-Пушкину из хранилищ РАД или Спасского монастыря не подтверждается источниками. Таким образом, вслед за В.А. Кучкиным⁶⁹, можно констатировать, что правдоподобность свидетельства самого графа о приобретении им древней поэмы у бывшего спасского настоятеля Иоиля Быковского резко возрастает.

За последние два десятилетия изучение жизни архимандрита Иоиля значительно продвинулось вперед, и в настоящее время насчитывается свыше 20 полностью или частично посвященных ему работ⁷⁰. В настоящем разделе работы мы попытались объяснить некоторые факты из биографии Иоиля Быковского на основе вновь открытых архивных материалов.

В 1958 г. ярославский исследователь В.В. Лукьянов в небольшой статье, посвященной биографии архимандрита Иоиля⁷¹, обратил внимание специалистов на запись в дневнике Арсения Верещагина от 26 августа 1798 г. В ней Арсений, на следующий день после смерти Иоиля, отметил: «Писано к Б.-Камен. de morte Joul»⁷² («Писано к Б(антыш)-Камен(скому) о смерти Иоиля»).

В.В. Лукьянов посчитал, что осторожность архиепископа Арсения, выразившаяся в «зашифровке» записи от 26 августа, а также поспешность, с которой он постарался сообщить Н.Н. Бантыш-Каменскому о смерти Иоиля, позволяют сделать два предположения. Во-первых, московский архивист, один из редакторов первого издания «Слова о полку Игореве», знал истинные причины, по которым А.И. Мусин-Пушкин задерживал обнародование рукописи

со «Словом». Во-вторых, покойный архимандрит Спасского монастыря был хорошо известен Н.Н. Бантыш-Каменскому. Что касается первой версии, то логичнее было бы предположить, что Верещагин, посвященный (по мнению В.В. Лукьянова) в историю открытия древнерусской поэмы, должен был писать, в первую очередь, самому Мусину-Пушкину. Второе наблюдение В.В. Лукьянова верно и подтверждается архивными материалами.

Дело в том, что Н.Н. Бантыш-Каменский имел самые тесные связи с Ярославлем. Он был хорошим знакомым и «давнишним благоприятелем» Арсения Верещагина. Как видно из дневниковых записей архиепископа, Бантыш-Каменский состоял в переписке с Верещагиным, бывал у него в гостях и даже принимал его у себя дома, в Москве⁷³. Сохранившиеся отпуски писем Арсения за 1797-1798 гг.⁷⁴ свидетельствуют, что архиепископ довольно регулярно получал от Бантыш-Каменского книги для личной библиотеки и для епархиальных нужд. Бантыш-Каменский даже заводил речь об издании сочинений Верещагина (известно, что архиепископ был автором многочисленных торжественных речей и нескольких поэтических опытов⁷⁵). В свою очередь, московский археограф пользовался связями ярославского архиепископа в церковных кругах. Так, в сентябре 1797 г. Бантыш-Каменский обратился к Арсению с просьбой составить ему протекцию для «ученых занятий» в книгохранилище Симонова монастыря. В рекомендательном письме архимандриту Иосифу Верещагин дал такую характеристику статскому советнику: «... он человек честной, умной, доброй и услужливой...»⁷⁶.

Как выяснилось, Н.Н. Бантыш-Каменский хорошо знал не только архиепископа Арсения, но и Иоиля Быковского. В собрании рукописей Министерства иностранных дел РГАДА хранятся два списка «Апокрисиса» Христофора Филарета, подаренные в 1807 г. в Московский государственный архив самим археографом⁷⁷. Перевод «Апокрисиса» с польского языка был выполнен архимандритом Иоилем Быковским в 1794 г. и отредактирован Бантыш-Каменским. В дневниковых записях Арсения Верещагина есть свидетельства о том, что Иоиль прекрасно владел польским, латинским⁷⁸, греческим и немецким⁷⁹ языками. Рукопись «Апокрисиса» № 142 из собрания МИД большей частью – автограф спасского архимандрита. Книгу открывают копии двух писем Бантыш-Каменскому от 19 октября 1794 г.: первое – от Иоиля, второе – от ярославского купца-библиофила Семена Ивановича Курочкина. Оба послания раскрывают, в определенной мере, приемы работы Иоиля Быковского как переводчика и исследователя. Изучив польское издание «Апокрисиса» 1597 г., он нашел, что «грамоты греческих патриархов и свидетельства св. отец, во оной приведенныя, переведены с греческого на польский или паче литовский язык безтолково...». Обращаясь к Бантыш-Каменскому, Иоиль писал: «Надобно бы сыскать подлинныя грамоты и справляться с подлинными текстами»⁸⁰.

Итак, Иоиль Быковский, «муж с просвещением и любитель словесности»⁸¹ в середине 90-х гг. активно сотрудничал с историком-архивистом Н.Н. Бантыш-Каменским. Известны и другие литературные опыты спасского архимандрита. В Ярославле в 1787 г. была издана его книга «Истина или выписка о истине»⁸², в рукописях сохранились несколько проповедей Иоиля⁸³. Ему принадлежит также историческая справка о погребенных в Спасской обители князьях рода Рюриковичей 1783 г.⁸⁴ И, наконец, с участием Иоиля Быковского в 1789 г. было составлено «Краткое описание Ярославля и бывшего Спасского монастыря, учиненное из ведомостей прежних монастырских дел»⁸⁵. Это небольшое по объему произведение содержит сведения об основании Ярославля, перечень ярославских князей (сюда же вставлен пересказ Жития Феодора Черного), затем даны толкования названий местных слобод. Составители «Краткого описания» включили в него данные о возникновении Спасской обители, о мощах князя Феодора «с чады» и епископа ростовского Трифона († 1469 г.), о «монастырском строении», местных праздниках и крестных ходах. Заканчивалось «Описание» списком названий жалованных грамот, данных в Спасо-Ярославский монастырь. Таким образом, Иоиль Быковский, «муж ученый и добродетельный», совмещал свою литературную и переводческую деятельность с участием в работе по систематизации местных краеведческих материалов, которую в Ярославской епархии возглавлял сначала архиепископ Самуил Миславский, а затем его преемник – Арсений Верещагин.

Итак, в результате настоящего исследования было установлено, что открытие рукописи со «Словом о полку Игореве» не было связано ни с хранилищем Ростовского архиерейского

дома, ни с библиотекой Спасского монастыря. В этой связи по-новому убедительным становится свидетельство А.И. Мусина-Пушкина о покупке древней поэмы у последнего настоятеля упраздненной Спасской обители. Отсюда следует необходимость проведения дальнейших разысканий, причем не только в ярославских книгохранилищах и архивах, но и там, где в разные годы своей жизни служил архимандрит Иоиль и откуда мог происходить сборник со «Словом о полку Игореве» (уместно в этой связи напомнить, что Иоиль был переведен в Ярославль из Чернигова, а «Слово», возможно, является памятником черниговского происхождения).

Якорь: #prim

1. Разбору различных версий происхождения рукописи со «Словом о полку Игореве» посвящены работы Г.Н. Моисеевой и В.П. Козлова. См.: Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 6-22; Козлов В.П. Об одном Хронографе из собрания А.И. Мусина-Пушкина. С. 115-118; Его же. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». С. 135-141, 150. Из последних работ, опубликованных на эту тему см.: Козляков В.Н. О Ростовских и Ярославских Хронографах конца XVIII – начала XIX в. // Советские архивы. 1990. № 5. С. 49-51.
2. Калайдович К.Ф. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А.И. Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР при Московском университете. М., 1824. Ч. 2. С. 35-36.
3. ГМЗРК–1083. Л. 87 об. Переписная книга РАД 1691 г.
4. Настоящее утверждение имеет под собой то основание, что в «Реестре» рукописей исторического содержания, принадлежавших библиотеке РАД, который был представлен в 1791 г. для просмотра А.И. Мусину-Пушкину, названо пять Хронографов и Степенная книга. См.: ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 615. Л. 4-5 об.
5. См.: ЯГИАХМЗ-15268. Отписная книга РАД 1743 г.; РФ РАЯО. Ф. 341 (шифр настоящего фонда будет изменен в связи с его недавним переводом на хранение в ГАЯО). Оп. 1. Д. 5. Отписная книга РАД 1765 г.; ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 1338. Опись имущества упраздненного РАД, перевезенного в Ярославль, 1790 г.
6. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 14. Д. 1338. Опись «вещам, принятым из большой архиерейской ризницы» и «книгам, перевезенным в ЯАД». Документ составлен на основе материалов описи РАД 1777 г. и подписан 18 февраля 1790 г. протоиереем Успенского собора Артемоном, архиерейским экономом игуменом Порфирием и «новоопределенным» экономом ЯАД иеромонахом Антонием (см. также: ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 557. Донесения эконома РАД игумена Порфирия архиепископу Арсению Верещагину о составлении новых описей архиерейского имущества, 1790 г.). Окончательно «большая ростовская ризница» была «освидетельствована» и принята на хранение казначеем ЯАД лишь в мае 1791 г. См.: ЯГИАХМЗ–15259. Л. 113-113 об. Указ духовной консистории № 95 о принятии ризницы бывшего РАД на хранение в ЯАД, 1791 г.; ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 562. Дело о передаче протоиереем Иоанном ризницы бывшего РАД в ведение казначея ЯАД Серафима, 1791 г. Заметим, что в 1790 г. была перевезена только основная часть владычной библиотеки, тогда как

- книги, собранные из «домовых церквей» (541 издание и 3 рукописи) продолжали храниться в Ростове, «в кладовых палатках под Воскресенской церковью», и лишь в 1811 г. по распоряжению архиепископа Антония Знаменского они были препровождены в ЯАД (ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1425. Описание книг, хранящихся в кладовых палатках Ростовской Воскресенской церкви, 1810 г.; ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 2786. Л. 1-8. Описание книг, присланных в ЯАД из Ростовской Воскресенской церкви 1811 г.) Подробнее о переезде архиерейской библиотеки см.: Синицына Е.В. О времени и обстоятельствах перемещения ростовской владычной библиотеки в Ярославль // СРМ. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 69-73.
7. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 14. Д. 1338. Л. 25 об.
 8. ЯГИАХМЗ–15609. Л. 111 об.
 9. Дмитриев Л.А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве – памятник XII в. М.; Л., 1962. С. 426-429.
 10. В «Реестре» рукописей исторического содержания, принадлежавших библиотеке РАД, который был представлен в 1791 г. для просмотра А.И. Мусину-Пушкину, названо пять Хронографов и Степенная книга. См.: ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 615. Лл. 4-5 об.
 11. Творогов О.В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 137-164.
 12. Разница в количестве листов, названных в «Реестре» и сообщаемых самой рукописью, объясняется ошибкой писцов: первоначальная, буквенная пагинация, проставленная в рукописи, такова: 1-142, 145-489, 500-665, 655-749.
 13. Те же два писца работали над экземплярами ЯГИАХМЗ–15265 и ЯГИАХМЗ–15699. См. об этом подробнее: Синицына Е.В. Рукописная библиотека Ростовского архиерейского дома в конце XVII-XVIII в. // Краеведческие записки Ярославского музея-заповедника. Ярославль, 1991. Т. 7. С. 116-130.
 14. Афанасий Вольховский занимал ростовскую кафедру с 1773 по 1776 г. См.: Летопись о ростовских архиереях. М., 1890. С. 53.
 15. РФ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 5. Л. 24. «Экстракт из учиненной дому его преосвященства описи (1765 г. – Е.С.), что имянно из показанного по той описи у принятого экономом иеромонахом Вениамином домового имущества в нынешнем 1766 году... в расходе»
 16. РФ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 5. Л. 65 об. Описание РАД 1765 г.
 17. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 5813. Л. 1.
 18. Степенная книга была возвращена в РАД в 1774 г. Описание этой рукописи совпадает со сведениями о Степенной книге РАД, переданной в 1792 г. А.И. Мусину-Пушкину. См.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 5813. Л. 8.
 19. ГАЯО. Ф. 230. Оп. 13. Д. 5813. Л. 1.
 20. ЯГИАХМЗ–15259. Лл. 125-126. Документы Ярославской духовной консистории 1787-1796 гг.; ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 615. Л. 6-6об.; РГИА (СПб). Ф. 796. Оп. 72. Д. 280. Лл. 181 об.-182.

21. ЯГИАХМЗ–15259. Л. 125. Указ духовной консистории смотрителю РАД, толгскому игумену Порфирию, эконому иеромонаху Антонию и казначею иеромонаху Серафиму о разыскании рукописей исторического содержания в связи с указом Екатерины II и св. Синода от 1 сентября 1791 г.
22. РГИА (СПб). Ф. 796. Оп. 72. Д. 280. Лл. 181 об.-182. В научный оборот этот документ был введен Ф.Я. Приимой. См.: Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 37-38.
23. На это обстоятельство обращено внимание в следующих работах: Прийма Ф.Я. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С. 255-256; Соловьев А.В. Ростовские Хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 354-357; Моисеева Г.Н. Спасо-Ярославский Хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. С. 21-22.
24. Творогов О.В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». С. 163.
25. В настоящее время все четыре копии разысканы. ОР РНБ. Ф. 522. № 6823. Сборник, 1811 г. (рукопись принадлежала личному собранию архиепископа Антония Знаменского); ЯГИАХМЗ-15450. Неполная копия Хронографа редакции 1617 г., распространенного с прибавлениями, 1811 г. (рукопись принадлежала библиотеке ЯАД); ГАЯО. Коллекция рукописных книг. № 122. Неполная копия Хронографа редакции 1617 г., распространенного с прибавлениями, 1811 г. (рукопись принадлежала библиотеке Ярославской духовной семинарии); ОР РНБ. Ф. 236. № 462. Неполная копия Хронографа редакция 1617 г., расп